

Лондонская
симуляция:
Тень над Челси

Дамир Янсуфин

**Лондонская симуляция:
Тень над Челси**

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

Лондонская симуляция: Тень над Челси / Д. Янсуфин —
«Автор», 2026

Леди Мэри Сюзан — молодая наследница древнего рода, приближенная ко двору короля Георга III. В отличие от светских красавиц, она увлечена не балами и сплетнями, а наукой и космосом. Её дни проходят за телескопом и астрономическими расчетами, а самым близким человеком является компаньонка детства — милая, легкомысленная и беззаботная Ленни. Но тишину аристократического Лондона разрывает леденящий кровь серией жестоких убийств. Таинственный маньяк, которого пресса окрестит «Джеком-Потрошителем», орудует в трущобах Уайтчепла, оставляя после себя изуродованные тела и обессиленную полицию. В доме лорда Сюзана появляется молодой стажер — странный, наблюдательный мистер Шерлок Холмс, друг брата Мэри, одержимый дедукцией и анализом. Он быстро понимает, что в этом деле всё не так, как кажется. А Мэри становится его невольной союзницей. Но главная тайна скрывается не в грязных переулках. Она живёт под одной крышей с Мэри, улыбается ей за завтраком и знает все её секреты.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

Лондонская симуляция: Тень над Челси

Аннотация к сюжету «Лондонская симуляция: Тень над Челси»
Лондон, 1760-е годы. Аристократический район Челси.

Леди Мэри Сьюзан — молодая наследница древнего рода, приближенная ко двору короля Георга III. В отличие от светских красавиц, она увлечена не балами и сплетнями, а наукой и космосом. Её дни проходят за телескопом и астрономическими расчетами, а самым близким человеком является компаньонка детства — милая, легкомысленная и беззаботная Ленни.

Но тишину аристократического Лондона разрывает леденящий кровь серией жестоких убийств. Таинственный маньяк, которого пресса окрестит «Джеком-Потрошителем», орудует в трущобах Уайтчепла, оставляя после себя изуродованные тела и обессиленную полицию.

В доме лорда Сьюзана появляется молодой стажер — странный, наблюдательный мистер Шерлок Холмс, друг брата Мэри, одержимый дедукцией и анализом. Он быстро понимает, что в этом деле всё не так, как кажется. А Мэри, чей научный ум оказывается востребован в самой мрачной из загадок, становится его невольной союзницей.

Но главная тайна скрывается не в грязных переулках. Она живёт под одной крышей с Мэри, улыбается ей за завтраком и знает все её секреты.

Как далеко зайдёт извращённая любовь и жажда признания? Удастся ли Холмсу и Мэри разглядеть истинное лицо монстра, прежде чем он нанесёт новый удар? И что страшнее — погоня за неизвестным убийцей или осознание, что чудовище всегда было рядом?

«Лондонская симуляция» — это психологический детектив, где эпоха Просвещения встречается с классическим холмсовским методом, а цена правды оказывается выше любой светской репутации.

Основные действующие лица

1. Леди Мэри Сьюзан

Возраст: 19-21 год.

Статус: Дочь влиятельного аристократа, одна из самых завидных невест королевства, пользующаяся благосклонностью при дворе Георга III.

Внешность: Классическая английская красота — светлые волосы, собранные в изящную, но не вычурную причёску, ясные, любознательные глаза. Одевается по последней моде, но предпочитает платья более спокойных тонов, а в своей библиотеке или кабинете может позволить себе просторный халат, похожий на лабораторный халат.

Характер и увлечения: Её доброта не показная, а деятельная — она может спонсировать приют или оплачивать обучение талантливого выходца из низов. Её главная страсть — наука и космос. В своём поместье в Челси она устроила кабинет с телескопом, микроскопами, книгами Ньютона и трудами о небесной механике. Она ведёт переписку с членами Королевского общества (хотя туда женщин не принимают), рискуя быть непонятой обществом, которое ждет от нее лишь удачного замужества и светских бесед. Живя отдельно, она отстаивает свою интеллектуальную независимость.

2. Ленни (полное имя, возможно, Элеонора)

Возраст: Около 20 лет.

Статус: Компаньонка и помощница леди Мэри. Из обедневшей дворянской семьи, выросла в поместье Сьюзанов, потому практически ровесница Мэри.

Внешность: Миловидная, румяная, всегда безупречно и модно одета — за этим она следит ревностно.

Характер: Их отношения — сложная смесь дружбы, службы и легкого соперничества. Ленни обожает сплетничать о светских событиях, обсуждать наряды и потенциальных женихов. Она не глупа, но интеллектуальные изыскания Мэри навевают на нее скуку. Немного ленива, предпочитая чтению романов или чаепитию составление гербария или запись наблюдений за луной. Ее ревность проявляется в моменты, когда внимание Мэри полностью поглощено наукой или когда кто-то со стороны пытается занять место «ближайшей подруги». Несмотря на всё, она предана Мэри и служит ей связью с миром светских условностей.

Контекст эпохи: 1760-е — время роскоши, строгой социальной иерархии и научных открытий. Лондон Челси — аристократический, но еще не полностью урбанизированный район с особняками и садами. На фоне великих географических открытий и трудов философов Просвещения увлечение Мэри космосом выглядит смелым, но объяснимым. Однако надвигающийся кризис в колониях и возможная война (Американская революция начнется в 1775-м) — это та реальность, которая рано или поздно коснется каждой семьи, включая Сьюзанов.

Утро в поместье леди Мэри, Челси, лето 176-го года

Сцена первая: Пробуждение

Летнее солнце Лондона, пробиваясь сквозь щели в тяжелых бархатных портьерах, рисовало золотые полосы на паркете и пылцу в воздухе. Мэри Сьюзан лежала на спине, уткнувшись взглядом в балдахин кровати. Ее мысли были далеко — не на званых вечерах и не на списке потенциальных женихов, а среди вычислений траекторий комет из последнего прочитанного труда. На прикроватном столике, рядом с флаконом духов и серебряным колокольчиком, лежала стопка исписанных листов с чертежами и астрономическими заметками.

В дверь постучали с той почти неслышной почтительностью, которая была фирменным знаком Несси. Не дожидаясь ответа, горничная бесшумно вошла и остановилась в двух шагах от кровати, сложив руки на переднике.

«Доброе утро, миледи,» — прошептала она, голосом, не нарушавшим утренней тишины.

Мэри медленно повернула голову. «Доброе... утро, Несси.»

«Его светлость, лорд Джон, просит вас пожаловать в его кабинет. Сейчас же по пробуждении.»

В глазах Мэри мгновенно исчезли остатки сна и небесные видения. Вызов к отцу «сейчас же» никогда не сулил ничего хорошего. Это мог быть разговор о долгах, о поведении, о... ее «неподобающих» занятиях. Она с неохотой приподнялась на локтях, шелк ночной рубашки мягко шурша.

«Приготовь мне голубое платье с отделкой, что в левом гардеробе, — сказала Мэри, уже мысленно просчитывая, какие из книг в кабинете стоит временно убрать с глаз долой. — И... где Ленни?»

«Мисс Ленни уже внизу, миледи,» — без выражения ответила Несси, уже направляясь к гардеробу, чтобы исполнить поручение.

Сцена вторая: На кухне

Спустившись по лестнице, Мэри направилась не в парадные залы, а в сторону кухни — место, где царили теплые запахи свежеспеченного хлеба и дымка от очага, и где можно было найти каплю обычной, непарадной жизни.

Ленни сидела за большим кухонным столом из темного дуба, абсолютно беззаботная. В одной руке она держала изящную фарфоровую чашку с дымящимся чаем, а другой лениво

отламывала кусочек от круассана. На ней было уже надето легкое летнее платье с рюшами, волосы аккуратно уложены, будто она уже час как готова к приему гостей. Она что-то оживленно рассказывала поварихе, миссис Брэдли, которая, кивая, растирала тесто.

«...и представь, он пригласил ее на минуэт, а на лице у него было написано такое...» — Ленни оборвала свою речь, увидев в дверном проеме Мэри. Ее лицо озарилось привычной улыбкой. «Мэри! Доброе утро! Ты выглядишь... задумчивой. Несси разбудила слишком резко?»

«Доброе утро, Ленни, — Мэри опустила на стул рядом. Миссис Брэдли тут же, без лишних слов, поставила перед ней вторую чашку и заварник. — Меня зовет отец. В кабинет. Немедленно.»

«О-о, — глаза Ленни округлились не столько от беспокойства, сколько от любопытства. — Это серьезно. Может, он нашел тебе жениха? Наконец-то! Я слышала, лорд Челмсфорд как раз ищет...»

«Ленни, пожалуйста, не сейчас, — Мэри с легким раздражением в голосе налила себе чаю. Аромат бергамота успокаивал нервы. Она взяла чашку в обе руки, чувствуя тепло фарфора. — Интересно, зачем? Вчера ничего не предвещало. Он был на заседании в парламенте, а мать занималась цветами...» Она отхлебнула чай, глядя в пар, поднимающийся над чашкой.

Ленни, отставив свою сплетню, наклонилась через стол, понизив голос до конфиденциального шепота: «Может, это из-за твоего дяди? Я слышала, вчера вечером пришло письмо с почтового пакетбота. Из-за океана. Мистер Фрей сам принимал его у курьера и сразу понес лорду. Выглядело все очень таинственно.»

Мэри замерла с чашкой у губ. Письмо от дяди Кэнвея? Это меняло дело. Письма из Америки всегда были для нее окном в огромный мир, но для отца они часто были источником головной боли. Что могло случиться? Новое открытие? Проблемы с бизнесом? Или... что-то связанное с этими растущими волнениями в колониях, о которых все теперь говорят вполголоса?

Она медленно допила чай, оттягивая момент. Летнее солнце, льющее в кухонное окно, играло на медных кастрюлях. Здесь было так спокойно. Но за дверью кабинета отца ждала другая реальность — реальность долга, правил и, возможно, судьбоносных новостей.

«Что бы это ни было, — тихо сказала Мэри, ставя пустую чашку на блюде с решительным, но едва слышным лязгом. — Отцу ждать не пристало.»

Она поднялась, поправив складки платья, которое принесла Несси. Ее поза выражала собранность, но в глазах, обращенных к двери, ведущей из кухни в парадные покои, читалась смесь тревоги и живого, научного любопытства. Загадка была брошена, и она намеревалась найти ее решение.

Встреча в кабинете лорда Джона

Покинув уютную суматоху кухни, Мэри прошла по длинному, залитому солнцем коридору. За высокими окнами сад пылал летними красками: розы, лаванда и дельфиниумы образовывали живой гобелен. Воздух, проникавший через приоткрытые фрамуги, был густ и сладок.

В холле она встретила **мистера Фрея**. Безупречный, как всегда, он раскладывал свежую почту на серебряном подносе.

«Доброе утро, миледи, — его голос был тихим и ровным, как шелест страниц. — Его светлость ожидает вас. Он, кажется, в хорошем расположении духа. Но... с гостем.»

Эти последние слова были произнесены с едва уловимой смысловой паузой, достаточной для предупреждения, но не для нарушения субординации. Мэри кивнула с благодарностью — совет дворецкого всегда был ценен.

Недалеко от двери в малую гостиную она увидела свою **мать, леди Эльзу**. Та, в легком утреннем чепце, с корзинкой для срезки, инструктировала садовника.

«Ах, Мэри, дорогая! — лицо матери осветилось улыбкой. — Ты уже в пути к отцу? Он говорил, что хочет представить тебе одного... многообещающего молодого человека. Будь мила,» — добавила она с мягким, но понятным нажимом, поправляя прядь волос дочери. В ее глазах читалась обычная надежда на то, что это наконец-то «подходящая партия».

Собравшись с духом, Мэри постучала в тяжелую дубовую дверь кабинета.

«Войди!» — прогремел знакомый властный голос.

Кабинет лорда Джона был его крепостью. Пахло воском для мебели, старыми книгами, дорогим табаком и властью. За массивным письменным столом, заваленным бумагами, сидел ее отец. Но не он привлек ее первый взгляд.

У окна, спиной к свету, так что его лицо сначала было в тени, стоял молодой человек. Он был худощав, одет в строгий, но небогатый темный сюртук, который, однако, сидел на нем с удивительной точностью. Его руки были сцеплены за спиной, а его внимание, казалось, было полностью поглощено рассмотрением какой-то безделушки с каминной полки — небольшой античной печати.

«Проснулась, наконец, моя дочка, — сказал лорд Джон без упрека, но и без особой нежности. Это была констатация факта. — Подойди. Позволь представить тебе гостя. Мистер Шерлок Холмс. Он учится с твоим братом в университете, хотя их интересы, полагаю, разнятся.»

Молодой человек обернулся. Свет упал на его лицо: острые скулы, пронзительные, светло-серые глаза, которые с первого же мгновения не *смотрели* на Мэри, а *изучали* ее с почти пугающей интенсивностью. Он сделал небольшой, безупречно вежливый поклон.

«Леди Мэри, — его голос был резковат, но четок. — Для меня честь. Ваш отец слишком любезен. По пути сюда я не мог не отметить исключительное качество гравировки на ваших воротах — работа середины прошлого века, мастера-фламандца, если я не ошибаюсь. И превосходный образец селекции в вашей розарии. Аромат *Rosa damascena* смешивается с *Rosa gallica*, что для этого микроклимата Лондона — достижение.»

Мэри, автоматически сделав реверанс, замерла на мгновение. Его слова были не просто комплиментом садовнику. Это была констатация наблюдений, точная и лишённая цветистости светской лести.

«Вы... очень внимательны к деталям, мистер Холмс, — нашлась она. — Мой брат, капитан Кенни, никогда не упоминал в письмах о таком... наблюдательном друге.»

Холмс едва уловимо улыбнулся уголком рта, будто отметив про себя какую-то деталь в ее ответе.

«Капитан Сьюзан ценит в людях иные качества, миледи. Смелость, решительность. Мои же интересы лежат в сфере дедукции и анализа. Университетские стены для них тесноваты, и я невероятно благодарен вашему отцу за предоставленную возможность стажироваться под его руководством. Он полагает, — здесь Холмс бросил взгляд на лорда Джона, — что из этого может выйти приличная карьера.»

«Именно так, — уверенно сказал лорд Джон, откидываясь в кресле. — Умный юноша. Пусть и со странностями. Но у Кенни глаз на людей верный. Мистер Холмс будет помогать мне в разборе некоторых юридических и... хозяйственных вопросов. Будет жить здесь, в восточном флигеле. Надеюсь, вы будете столь любезны, дочь моя, и поможете ему освоиться, — это прозвучало скорее как приказ, чем как просьба. — А теперь, Мэри, ты можешь идти. Мистер Холмс и я должны обсудить дела.»

Знакомство, короткое и насыщенное, было окончено. Мэри вышла из кабинета, чувствуя на себе тот самый пронзительный взгляд, который, казалось, фиксировал каждый штрих ее платья, каждую микроскопическую эмоцию на лице.

В голове у нее, вместо страха перед отцом, теперь гудели вопросы. *Шерлок Холмс*. Что за странный, острый как бритва ум появился в их доме? И какое отношение его «дедукция» может иметь к письму от дяди Кэнвея, которое, как она теперь была почти уверена, лежало там, на столе отца?

Мир ее тихого поместья в Челси вдруг перестал быть прежним. В него вошел человек-наблюдатель, и Мэри чувствовала себя одновременно заинтригованной и... настороженно изученной.

Обсуждение в покоях Мэри

Вернувшись из кабинета отца, Мэри почувствовала, как с нее словно сняли тугой корсет светских условностей. Она не пошла в гостиную или библиотеку, а почти бегом поднялась по лестнице к себе, в солнечные комнаты, где царил ее личный порядок – книги, инструменты, эскизы.

Ленни, услышав быстрые шаги, уже ждала ее, примостившись на окне с очередным номером светской хроники. Ее глаза горели любопытством.

«Ну? Ну что же он сказал? Кто этот молодой человек? Это жених? Он выглядит состоятельным? Отец был доволен?» — вопросы посыпались из нее, как горох из мешка.

Мэри сбросила туфли и опустилась в глубокое кресло у камина (хотя в нем, конечно, не горело огня в такую жару).

«Успокойся, Ленни. Это не жених, — сказала она, глядя в потолок, будто заново прокручивая в голове встречу. — По крайней мере, не в том смысле, о котором ты думаешь. Его зовут Шерлок Холмс. Он... друг Кенни по университету. Отец взял его на стажировку. Будет помогать с делами и жить в восточном флигеле.»

«Друг Кенни? — Ленни нахмурилась, явно разочарованная. — Но Кенни водит компанию с гвардейцами и охотниками... а этот... он больше похож на клерка или... ученого. Или на того хирурга, что однажды приезжал вскрывать бедную леди Мортон. У него такой... пронзительный взгляд.»

«Именно, — оживилась Мэри, повернувшись к подруге. — Он и есть странный. В высшей степени. Представь, он не сказал ни слова о погоде, не сделал банального комплимента моему платью... Вместо этого он сразу начал говорить о гравировке на наших воротах. Утверждает, что она работы фламандского мастера середины прошлого века. А потом — о сортах роз в саду. По запаху определил *damascena* и *gallica*. Как будто он не гость, а... ботаник-таксатор, проводящий инвентаризацию.»

Ленни приоткрыла рот. «Он что, осмелился критиковать сад? Мать будет в ярости!»

«Нет, нет, не критиковал. Он... констатировал. Точнее, анализировал. Будто наш дом для него — огромная книга, а он ее бегло просматривает, выхватывая самые показательные абзацы. И от этого... немного не по себе. Чувствуешь себя под микроскопом.»

«О, Боже, — Ленни задумчиво отложила газету. — Ты думаешь, он шпион? Может, отец подозревает кого-то в доме в воровстве и нанял его, чтобы раскрыть дело? Или... может, он сыщик? Я слышала, в городе есть такие люди, которые за деньги находят пропавшие вещи или разоблачают неверных жен.»

«Отец сказал, что это "многообещающий юноша" и что у него "верный глаз", — процитировала Мэри, передразнивая слегка напыщенную интонацию лорда Джона. — Но он сказал это так, будто речь идет о перспективной лошади или гончей. Я не думаю, что отец стал бы держать в доме сыщика в таком качестве. Это... неприлично. Нет, здесь что-то другое.»

Мэри встала и подошла к окну, глядя в сторону восточного флигеля.

«Он сказал, что его интересы лежат в "дедукции и анализе". Интересное слово — дедукция. Оно из логики. Из науки.»

«Наука... — Ленни скептически фыркнула. — Значит, он такой же чудак, как и ты, только мужского пола. Может, вам будет о чем поговорить. О законах Ньютона или о там... фазах Луны.»

Мэри не ответила. В ее уме уже строились мостики. Письмо от дяди Кэнвея... Странный, аналитичный ум, появившийся в доме именно сейчас... Связь с братом, который служит в армии, возможно, имеющей интересы в колониях...

«Он определенно не обычный молодой человек, ищущий покровительства, — тихо сказала она. — В нем есть... сталь. И отец это видит и ценит. Интересно, что именно он хочет с его помощью "разобрать".»

«Ну что ж, — Ленни снова взяла газету, но уже без прежнего энтузиазма. — По крайней мере, теперь в доме есть на кого посмотреть, кроме старого мистера Фрея и садовника. Хотя, признаться, он меня немного пугает. Надеюсь, он не станет рыться в наших гардеробах и делать свои "дедукции" о том, сколько пирожных я съела на прошлой неделе.»

Мэри улыбнулась, но мысленно была уже далеко. Появление Шерлока Холмса было загадкой. А разгадывать загадки — это то, что она любила больше всего на свете. Странность мистера Холмса была не раздражающей, а... вызывающей интерес. Как новая нерешенная теорема или неклассифицированная звезда.

Первая глава знакомства была закончена. Теперь предстояло наблюдать, как эта новая, острая величина будет влиять на уравновешенный мир их дома.

Беседа во внутреннем дворе. Первые выводы.

Несколько дней спустя. Погода, в угоду настроению этой беседы, стояла пасмурная. Тяжелые, свинцовые облака нависли над Лондоном, но дождь так и не решился пролиться. Воздух был тих, плотен и наполнен запахом влажной земли и подстриженного самшита из садовых бордюров.

Мэри вышла во внутренний кирпичный двор, чтобы проверить, не оставила ли она на столике под навесом свою записную книжку с расчетами. Там, у стены, опершись на трость (которая казалась ему скорее аксессуаром для наблюдения, чем необходимостью), стоял Шерлок Холмс. Он смотрел не на сад, а на окна главного дома, будто мысленно составляя его план.

«Леди Мэри, — произнес он, не оборачиваясь, будто уловил ее шаги по скрипу гравия под другим, более легким углом, чем шаги садовника или слуги. — Вы ищете свою тетрадь. Она на каменной скамье, слева. Под кирпичом, который вы, вероятно, использовали как пресс-бумагу от утреннего бриза.»

Мэри, слегка опешив, подошла к скамье и действительно нашла книжку. «Вы... весьма наблюдательны, мистер Холмс.»

«Профессиональная деформация, — сухо отозвался он, наконец повернувшись к ней. Его серые глаза в этот серый день казались почти прозрачными. — Кстати, позвольте воспользоваться моментом. У меня созрело несколько предварительных наблюдений, которыми, полагаю, стоит поделиться. Они касаются мисс Ленни.»

Мэри насторожилась, инстинктивно сжимая тетрадь. «Что с Ленни?»

«Ничего катастрофического. Пока. Я лишь отмечаю паттерны поведения, — его речь была быстрой и четкой, как стук метронома. — Она активно пользуется вашим доверием и, что важнее, вашим статусом. Вчера, от вашего имени, она попросила у повара особый десерт, утверждая, что это ваше пожелание, хотя вы, судя по вашему графику и отметке о легком недомогании в дневнике горничной (да, я обратил внимание на ее озабоченное лицо утром),

вряд ли были озабочены сладостями. Сегодня утром она намеренно задержала доставку вашей почты на час, чтобы первой просмотреть конверты. Не из праздного любопытства, а чтобы оценить, не увеличивается ли круг вашей переписки, особенно мужской.»

Он сделал паузу, изучая ее лицо.

«Кроме того, в ее манере говорить о вас с другими слугами прослеживается четкий оттенок ревности. Не грубой, а утонченной. Она постоянно подчеркивает свою исключительную близость к вам, в то же время слегка принижая ваши научные занятия как «милую причуду», которую она, якобы, одна понимает и терпит. Это классический признак того, кто стремится быть единственным источником влияния и информации. Я могу ошибаться в мотивах, но паттерн — налицо.»

Мэри слушала, и ее первоначальное удивление сменилось волной горячего, почти сестринского негодования. Кто он такой, чтобы врваться в их многолетнюю дружбу со своими холодными «паттернами»?

«Мистер Холмс, — начала она, и ее голос, обычно мягкий, зазвучал ледяными гранями. — То, что вы только что изложили, является верхом бестактности и... смехотворной самоуверенности. Вы пробыли в этом доме считанные дни и уже беретесь судить о отношениях, которые формировались годами?»

Она сделала шаг вперед, ее глаза вспыхнули.

«Ленни — моя подруга. Да, она может быть легкомысленна, любит сплетни и сладости. Но она предана мне. Ваши «наблюдения» — не более чем поверхностные выводы, вырванные из контекста! Попросить десерт — ее маленькая шалость, а не макиавеллиевский план. Просмотреть почту — возможно, она просто боялась, что там дурные вести, и хотела оградить меня. Вы все превращаете в какую-то... мрачную механику!»

Холмс слушал, не перебивая, его лицо оставалось непроницаемым. Когда она закончила, он лишь слегка наклонил голову.

«Вы защищаете ее с пылом, который лишь подтверждает глубину вашей привязанности. Это достойно уважения. Однако, позвольте заметить, вы сами только что подтвердили мой ключевой тезис о ревности. Вы сказали: «она боялась, что там дурные вести, и хотела оградить меня». То есть, присвоила себе право решать, что для вас благо, а что — нет. Это и есть проявление скрытого чувства собственности, маскирующегося под заботу.»

«Это чушь! — вырвалось у Мэри. — Вы слишком прямолинейны. Вы раскладываете живых людей, их чувства и поступки, как карты в пасьянсе, и думаете, что нашли единственно верный расклад. Жизнь — не логическая задача, мистер Холмс. В ней есть место доверию, которое не нуждается в ежесекундной проверке вашим... дедуктивным методом!»

В воздухе повисло напряжение, густое, как предгрозового воздух. Холмс впервые за все время выглядел слегка заинтересованным — не обиженным, а так, как ученый, наткнувшийся на неожиданно стойкий образец.

«Прямолинейность — недостаток в светской беседе, но преимущество в поиске истины, — сказал он наконец. — Я не прошу вас верить мне на слово. Я лишь предлагаю вам... провести эксперимент. Наблюдайте. Не как подруга, а как натуралист. Соберите свои собственные данные. А затем сравните их с моими выводами. Если я ошибаюсь — я публично признаю это и никогда более не подниму эту тему. Но если нет... знание, даже неприятное, всегда предпочтительнее слепоты.»

Он слегка коснулся тростью края своей шляпы в прощальном жесте и, не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал прочь, его темный силуэт быстро растворившись в серых тонах дня.

Мэри осталась стоять одна, сжимая тетрадь так, что костяшки пальцев побелели. Его слова, холодные и точные, как скальпель, резали не хуже. «Слепота». Он осмелился назвать ее доверие — слепотой!

Но где-то в глубине, под слоями возмущения, шевельнулся тот самый пытливый ум, который он в ней неосознанно задел. Досадное, колючее семя сомнения было посеяно. И, как истинный ученый, она уже не могла просто отмахнуться от гипотезы, представленной к проверке.

Она посмотрела на окна, за которыми, как она знала, могла сидеть Ленни. И впервые за много лет задалась вопросом не «что она чувствует?», а «что она, в самом деле, делает?».

Вечерний чай и посеянное сомнение

Позже тем же вечером, когда свинцовые тучи наконец рассеялись, уступив место прохладному сумраку, Мэри и Ленни сидели в небольшой будуар-гостиной Мэри. Комната, в отличие от строгого кабинета отца, была ее убежищем: полки с книгами соседствовали с гербариями, на столе стоял небольшой телескоп, направленный в еще не потемневшее небо.

Несси, бесшумно как тень, только что внесла поднос с чайным сервизом из тонкого фарфора с нежно-голубыми незабудками. Она расставила чашки, налила ароматный чай «Ассам» — любимый Мэри, — и так же тихо удалилась, оставив девушек наедине. Единственным напоминанием о ее присутствии был ровный пар, поднимающийся над чашками, и идеальная симметрия, в которой были разложены пирожные.

Мэри, глядя на этот пар, на минуту задумалась. Мысленно она снова прокручивала холодные, точные фразы Холмса. Ее пальцы нервно теребили кружевную салфетку.

«Ленни, — наконец начала она, не поднимая глаз. — Сегодня у меня был... странный разговор с мистером Холмсом.»

«О-о! — глаза Ленни заблестели от любопытства. Она отложила вышивку, которую делала лишь для вида. — Он наконец-то сделал тебе предложение? Или признался в порочащей связи?»

«Нет, ничего подобного, — Мэри покачала головой, слабо улыбнувшись. — Он... высказал свои наблюдения. О тебе.»

«Обо мне? — Ленни привстала, ее щеки слегка порозовели от не то что возмущения, а скорее живейшего интереса. — И что же наш гений дедукции узрел в моей ничтожной персоне?»

Мэри глубоко вздохнула, стараясь передать слова Холмса максимально нейтрально, без его леденящей интонации. «Он сказал, что... ты пользуешься моим доверием и статусом. Привел примеры с десертом и почтой. И... что ты испытываешь ко мне чувство ревности. Скрытой.»

Наступила пауза. Затем Ленни рассмеялась. Это был не обиженный или нервный смех, а искренний, громкий, почти до слез, смех, от которого задрожали крошечные сережки в ее ушах.

«О, Боже мой! О, это прелестно! — выдохнула она, вытирая. — «Пользуюсь доверием!»! Да я же для тебя горы готова свернуть, Мэри! А этот десерт... я же знала, что ты вчера почти ничего не ела, вот и выдумала, чтобы миссис Брэдли тебя порадовала! А почту... Ну, признайся, в прошлый раз, когда пришло то письмо от скучного лорда Пембриджа с намеками на помолвку, ты три дня ходила как в воду опущенная! Я просто хотела оградить тебя от очередного неприятного сюрприза, пока ты не пришла в себя после головной боли!»

Она отхлебнула чаю, все еще покачивая головой с улыбкой.

«А ревность... О, это и вовсе смешно. Я — ревную? К кому? К твоим книгам? К твоему телескопу? Да он просто чудак, Мэри! Сумасшедший ученый, который в людях видит только шестеренки и пружины! Он, наверное, и твоего кота Урана разобрал бы на анатомические особенности и недостатки в охоте на мышей!»

Ее слова были такими убедительными, такими... *Ленни*. Искренними, немного драматичными, полными заботы. Мэри почувствовала, как волна облегчения и стыда накатила на нее. Конечно же! Как она могла даже на минуту допустить эти нелепые подозрения? Холмс, со своим сухим, бесчеловечным анализом, просто не понимал тонкостей дружбы.

«Ты права, — тихо сказала Мэри, наливая себе еще чаю. Рука ее была уже не так напряжена. — Он действительно чудак. Слишком умный для собственного блага и совершенно слепой к простым человеческим чувствам.»

«Вот именно! — торжествующе воскликнула Ленни, откусывая пирожное. — Дай ему какую-нибудь головоломку, запертую комнату или украденный носовой платок — пусть развлекается. А в наши дела пусть не лезет.»

Они заговорили о других вещах — о новом платье, которое Ленни увидела у модистки, о предстоящем визите к матери. Беседа текла легко и привычно.

Но позже, когда Ленни ушла к себе, а Мэри осталась одна, ее взгляд упал на пустую чашку Ленни. Рядом с ней на маленькой тарелочке лежала недоеденная половинка пирожного с самым большим кремом. Ленни всегда так делала — пробовала самое вкусное, а остальное бросала.

И вдруг, совершенно не к месту, в голове Мэри всплыл голос Холмса: «*Она активно пользуется...*» Нет. Она отогнала мысль. Это глупо.

Она подошла к окну, чтобы закрыть ставни. Во флигеле, где жил Холмс, в одном из окон горел свет. Узкая полоска желтого освещения падала на мощный двор. Она представила его там, за работой — вероятно, что-то рассматривающего в лупу или составляющего какие-нибудь странные таблицы.

«Чудак, — повторила она про себя, но на этот раз в этом слове не было прежнего раздражения. Было что-то другое. Настороженное любопытство. Как к редкому, потенциально ядовитому, но невероятно интересному экземпляру растения, который нельзя трогать, но за которым... можно наблюдать.*

Она закрыла ставни, отрезав свет из окна Холмса. Но крошечная трещина в ее безусловном доверии к Ленни, та самая, что он так хладнокровно наметил, была уже сделана. Теперь оставалось ждать, подтвердят ли дальнейшие события его гипотезу или опровергнут. И Мэри, сама того не желая, превратилась в невольного соучастника его эксперимента.

Газетные ужасы и научный метод

Прошла неделя. Однажды днем Мэри зашла в главный дом к отцу, чтобы забрать обещанные им старые карты звездного неба из его библиотеки.

В большой гостиной, где обычно царил торжественная тишина, нарушаемая лишь тиканьем напольных часов, царил непривычное напряжение. Шерлок Холмс, откинувшись в глубоком кресле у камина (который, конечно, не горел), не просто читал газету. Он *изучал* ее, держа в нескольких дюймах от лица, его взгляд бегал по строчкам с хищной быстротой. Напротив, в своей безупречно прямой позе, стоял мистер Фрей. На его обычно невозмутимом лице читалась редкая складка озабоченности.

«...и снова в Уайтчепле, — тихим, но отчетливым голосом говорил Холмс, не отрывая глаз от газеты. — Тот же почерк, мистер Фрей. Та же... беспримерная жестокость, соединенная с хирургической точностью. Полиция, как водится, топчется на месте, собирая толпы зевак, которые только уничтожают следы.»

Мистер Фрей медленно покачал головой. «Ужасающее дело. Никакого резона. Ни ограбления, ни страсти. Чистое... мясничество. Город на взводе. Его светлость уже распорядился усилить охрану по периметру имения и рекомендовал леди Эльзе и леди Мэри не выезжать в Ист-Энд без крайней нужды и сопровождения.»

«Меры разумные, но паллиативные, — отозвался Холмс, наконец опуская газету. Его лицо было бледно, глаза горели холодным, сосредоточенным огнем. — Они ищут пьяного мясника или сумасшедшего моряка. Но это не так. Посмотрите на детали инцидент... здесь работал ум. Холодный, расчетливый и обладающий специфическими знаниями. Кто же это мог быть? Отставной военный хирург, сошедший с ума от опиума? Недолюбливающий женщин студент-медик с манией величия? Или...»

В этот момент его взгляд упал на Мэри, застывшую в дверях. Он мгновенно прервался, но не смутился. Напротив, его глаза сузились, будто он обнаружил нового, неучтенного свидетеля.

«А! Леди Мэри. Прекрасное время. Вы, несомненно, слышали о событиях в Уайтчепле? О том, кого пресса уже окрестила «Джеком-Потрошителем»?»

Мистер Фрей сделал едва заметное движение, мягкий жест, призванный оградить молодую леди от столь мрачной темы, но Мэри уже сделала шаг вперед. Ужас, описанный в газетах, вызывал в ней не только отвращение, но и жгучее, почти кошунственное любопытство ученого, столкнувшегося с необъяснимым феноменом зла.

«Я... читала заголовки, — осторожно сказала она. — Ужасно.»

««Ужасно» — эмоция, которая затуманивает рассудок, — парировал Холмс, поднимаясь с кресла. Он подошел к ней, держа газету. — Мне интересно ваше мнение. Не как светской леди, а как человека, привыкшего к наблюдению и анализу. Вы изучаете движение небесных тел, законы физики. Взгляните на эту... аномалию. На это земное, человеческое зло, нарушающее все социальные и природные законы. Кто он, по-вашему?»

Мистер Фрей слегка кашлянул. «Мистер Холмс, леди Мэри вряд ли...»

«Позвольте, мистер Фрей, — мягко, но твердо прервала его Мэри. Вопрос Холмса был вызовом. Вызовом ее уму, а не ее полу. Она взяла газету, которую он протянул. Ее глаза пробежали по кричащим заголовкам, выхватывая сухие, жуткие детали: «...систематическое извлечение внутренних органов...», «...явные познания в анатомии...».

Она закрыла газету, чувствуя, как подступает тошнота, но заставила себя думать. Не о жертвах, а о преступнике.

«Вы говорите о хирургической точности и специфических знаниях, — начала она, глядя куда-то поверх плеча Холмса, в пространство, где рождались ее гипотезы. — Это сужает круг. Но не до врачей. Знания могли быть получены иным путем. Таксидермист. Мясник, специализирующийся на разделке туш для анатомических театров. Или...» она запнулась.

«Или?» — почти беззвучно подбодрил ее Холмс, и в его взгляде промелькнуло нечто похожее на уважение.

«Или человек, одержимый идеей. Не просто сумасшедший. А... исследователь. Извращенный, чудовищный, но исследователь. Вы сказали — «ум». Что если он не просто убивает? Что если он... проводит эксперимент? На живом человеческом материале? Ищет границу между жизнью и смертью, изучая ее методом вскрытия?»

В комнате повисла леденящая тишина. Мистер Фрей побледнел. Даже Холмс на секунду замер, его брови поползли вверх. Эта мысль была настолько ужасающе логичной, что затмевала все бытовые версии.

«Эксперимент... — повторил он задумчиво, как будто пробуя это слово на вкус. — Да. Это... неожиданный ракурс. Мотив, выходящий за рамки мести, алчности или похоти. Чистое, абстрактное, сатанинское любопытство.» Он посмотрел на Мэри с новым, пристальным инте-

ресом. «Вы предполагаете, что мы имеем дело не с человеком зверства, а с... коллегой? Пусть и в самом темном из возможных направлений?»

«Я не знаю, — честно сказала Мэри, с отвращением отдавая газету. Ее собственная гипотеза пугала ее больше, чем образ пьяного маньяка. — Но наука учит: чтобы понять явление, нужно рассмотреть все возможные объяснения, даже самые отталкивающие. А это... объяснение кажется мне логически последовательным, если отбросить мораль.»

«Браво, — тихо произнес Холмс, и в его голосе впервые прозвучали нотки искреннего, не снисходительного восхищения. — Вы мыслите правильно. Жаль, что Скотланд-Ярд не укомплектован леди с телескопами и склонностью к дедукции.»

Мистер Фрей, наконец нашелся. «Леди Мэри, его светлость, я уверен, ждет вас в библиотеке. И... я полагаю, подобные разговоры не должны становиться достоянием дома. Они тревожны для дам.»

Мэри кивнула, все еще находясь под впечатлением от собственной страшной догадки и от реакции Холмса. Она вышла из гостиной, но не сразу пошла к отцу. Она остановилась в прохладном полумраке коридора, прислонившись к стене.

Впервые кто-то не просто терпел ее научные интересы, не считал их милой причудой (как Ленни) или раздражающей странностью (как отец). Кто-то *требовал* от нее их применить к самой мрачной реальности. И ее ум ответил на вызов. Это было одновременно пугающе и пьяняще.

А в гостиной Холмс, проводив ее взглядом, повернулся к мистеру Фрею.

«Интересно, мистер Фрей, не заказывал ли кто-либо в этом доме за последний год необычно много книг по анатомии или хирургии? Или, возможно, интересовался работой анатомических театров?»

Взгляд дворецкого стал острым, профессиональным. «Я проверю инвентарные книги и побеседую с библиотекарем, сэр.»

Семя подозрения, посеянное Холмсом, теперь проросло не только в сердце Мэри, но и в самых основах дома Сьюзанов. И почвой для него стала не ревность подруги, а тень серийного убийцы, нависшая над Лондоном.

Тени и неприметные разговоры

Прошли дни, наполненные контрастами. В поместье Сьюзанов царил летнее спокойствие: жужжали пчелы в саду, в комнатах пахло срезанными пионами, жизнь текла в ритме обедов, визитов и мелких хозяйственных забот. Но за этой идиллией, словно темная подкладка у дорогой ткани, скрывалась растущая тревога всего Лондона. Газеты продолжали смаковать ужасные подробности, и имя «Джек-Потрошитель» уже не сходило с уст горожан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.